

АННА
ЭРЕЛЬ

Я БЫЛА ДЖИХАДИСТКОЙ

РАССЛЕДОВАНИЕ
В ЦЕНТРЕ
ВЕРБОВОЧНОЙ
СЕТИ ИГИЛ

Анна Эрель
Я была джихадисткой.
Расследование в центре
вербовочной сети ИГИЛ

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29810015

*А. Эрель. Я была джихадисткой. Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ: ООО «Кучково поле»; Москва; 2016
ISBN 978-5-9950-0521-6*

Аннотация

Анна Эрель рассказывает о том, как она завязала знакомство в социальной сети с джихадистом, одним из ближайших соратников главы «ИГ», стала его виртуальной женой и чуть не уехала в Сирию, а теперь живет под охраной полиции. Французская журналистка примерила на себя роль типичной наивной жертвы исламской пропаганды, истории которых мы слышим все чаще в последнее время, чтобы показать читателям, как она работает, сама не подозревая, как далеко ее заведет подобный эксперимент.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Анна Эрель

Я была джихадисткой.

Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ

Anna Erelle

Dans la peau d'une djihadiste. Enquête au cœur des filières
de recrutement de l'Etat Islamique

© Editions Robert Laffont, Paris, 2015

© ООО «Кучково поле», издание на русском языке, 2016

* * *

Посвящаю Эрику и Ноэлю, Полине и Жерому...

*Только добровольное воспитание в самих себе
светлого самоограничения возвышает людей над
материальным потоком мира. <...> Если и минет
нас военная гибель, то неизбежно наша жизнь не
останется теперешней, чтоб не погибнуть сама по
себе.*

*А. И. Солженицын. Речь на ассамблее выпускников
Гарвардского университета 8 июня 1978 года*

Описываемые в этой книге события происходили весной 2014 года, за два месяца до взятия Мосула, второго иракского города, боевиками «Исламского государства» и провозглашения Халифата его лидером Абу Бакром аль-Багдади.

– Послушай! Я люблю тебя так, как еще никого не любил. Я не могу смириться с мыслью, что ты далеко от меня, окруженная грехом и грешниками. Я защищу тебя. Я отгорожу тебя от всех демонов мира. Когда ты приедешь ко мне, ты придешь в восторг от этого рая. От страны, которую я и мои люди воссоздаем. Здесь люди любят и уважают друг друга. Мы одна большая семья, в которой тебе уже приготовлено достойное место. Тебя все с нетерпением ждут! Если бы ты знала, как женщины счастливы с нами. Прежде они были такими же, как ты. Потерянными. Супруга одного из моих друзей подготовила к твоему приезду целую программу. Когда ты окончишь курсы стрельбы, она поведет тебя в прекрасный магазин, единственный в стране, где продают прекрасные ткани. Я оплачу все твои покупки. Ты вместе со своими новыми подружками создашь для себя собственный маленький мир. Как я хочу, чтобы ты поскорее приехала. Мелани, жена моя! Поторапливайся. Я жду!

У сидящей перед монитором компьютера Мелани широко раскрываются глаза. Она восхищается этим сильным женщиной, который старше ее на 18 лет. Она видела его только по

скайпу, но уже влюбилась. Своим нежным голоском, в котором слышны детские интонации, Мелани шепчет:

– Ты действительно меня любишь?

– Я люблю тебя во имя и перед Аллахом. Ты моя жемчужина, а «Исламское государство» – твой дом. Вместе мы напишем наши имена в историю, построив по кирпичику лучший мир, куда кяфирам¹ будет запрещен вход. Я нашел для тебя просторную квартиру! Если ты приедешь с подружками, я найду еще более просторную! Днем, когда я буду принимать участие в боях, ты станешь ухаживать за сиротами и ранеными. А по вечерам мы будем вместе... Иншалла.

Мелани чувствует, что ее любят. Она чувствует себя полезной. Она искала смысл жизни – и она его нашла.

Париж, десятью днями ранее

В пятницу вечером я в смятении ушла из редакции одного из изданий, на которые я работаю на сдельной основе, по договору. В редакцию пришло письмо от адвоката, в котором мне запрещалось публиковать статью, посвященную юной джихадистке. А ведь я два дня провела в Бельгии вместе с ее матерью, Самирой. Год назад дочь Самире убежала в Сирию, чтобы разыскать Тарика, мужчину всей своей жизни, фанатично преданного делу «Исламского государ-

¹ Неверные, по-арабски. – Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

ства». Безумно влюбленная, но и безумно беспечная Лейла² хотела жить вместе со своей огромной любовью. Когда Самира узнала о смерти мужчины, которого она была вынуждена считать своим зятем, у нее зародилась надежда. Пуля, попавшая прямо в сердце, оборвала его жизнь на 21-м году. Тарик скончался, и Самира не видела никаких причин, чтобы ее дочь оставалась в стране, трагически преданной огню и мечу. Но Лейла упорствовала: отныне она принадлежит этой священной земле и рассчитывает добавить свой камень в строящееся здание, борясь во имя создания религиозного государства в Леванте. С мужем или без него. Тарик был эмиром³, поэтому о его вдове хорошо заботились. И Лейла спросила свою мать:

– А почему я должна возвращаться?

Местная пресса мгновенно заинтересовалась этой историей. Журналисты сравнивали 18-летнюю юную джихадистку с черной вдовой, влиятельной фигурой международного терроризма и супругой убийцы полевого командира Масуда⁴. Ответ Самиры не замедлил ждать. Он полностью соот-

² Имя изменено.

³ Дворянский титул, распространенный во всем мусульманском мире. «Исламское государство», являющееся четко структурированной террористической организацией, устанавливает для своих приверженцев строгую иерархию. Как правило, титул эмира боевики получают за свою решимость, силы и веру во все и против всего. Внутри организации титул эмира считается одним из наиболее почетных и престижных.

⁴ Прославившийся своей борьбой против советских войск в Афганистане, Ма-

ветствовал любви матери к дочери. Однако Самаира столкнулась с открытым вызовом. Ей не только предстояло привезти Лейлу в Бельгию, но и доказать властям, что ее дочь жила в самой опасной стране мира с гуманистической точки зрения. В противном случае Лейлу будут рассматривать как угрозу внутренней безопасности и посадят в тюрьму, а в дальнейшем, возможно, ей вообще запретят жить на своей родине.

Именно в этот момент мой жизненный путь пересекся с жизненным путем Самаиры. Журналистика приводит ко всему, а порой и к материнскому горю. Отчаявшаяся Самаира обратилась к Дмитрию Бонтинку, бывшему офицеру бельгийского спецназа. Он стал известен после того, как ему удалось вывезти своего сына из Сирии. Димитрий воплощал собой надежду для всех европейских семей, однажды столкнувшихся с жестокой реальностью: джихад может также иметь непосредственное отношение к подростку, не вызывающему никаких подозрений, к их родному ребенку. С тех пор Димитрий ведет активную деятельность. Он, словно сорвиголова, выполняет самоубийственные миссии, спасая чужих детей или, по крайней мере, разыскивая конкретную информацию, которая может помочь несчастным семьям. Понимая, какой опасности подвергается Лейла, прозванная «новой черной вдовой», он попросил меня встретиться с матерью девушки. Я журналистка, страстно увлекающаяся гео-

суд мог бы возглавить антиталибскую коалицию, если бы не был убит 9 сентября 2001 года, за два дня до нападения на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

политикой, но отнюдь не эксперт. Впрочем, я всегда питала определенный интерес ко всему, что имеет черты неправомерного, ненормативного поведения. Неважно, что послужило толчком к подобному поведению: религия, национальность, социальная среда. Меня привлекает сам коренной поворот, приведший к смертоносному изменению этих судеб. Такими изменениями могут стать наркотики, преступность, маргинальность... Параллельно я изучала трансформацию радикального ислама, которую тот претерпел в последние годы. В течение целого года я проявляла особенный интерес к нравам тех или иных европейских джихадистов, воюющих на стороне «Исламского государства». Даже если подобные случаи в чем-то похожи между собой, я всегда стараюсь понять, что именно послужило настолько мощным стимулом, что эти люди в одночасье бросили все и уехали, чтобы сеять смерть и постоянно смотреть ей в глаза.

В то время мы с Димитрием работали над книгой, в которой рассказывалось о его девяти месяцах ужаса, проведенных в поисках сына. Мы стучались в двери многих европейских семей, вынужденных нести тот же крест, что и он. Со своей стороны я старалась разнообразить содержание проводимых бесед. Я прекрасно понимала, какое моральное влияние оказывала информационная пропаганда на этих новых солдат Бога, однако я не могла объяснить себе, почему они переходили к действиям. Все бросить? Свое прошлое, своих родителей? За несколько недель вычеркнуть из своей жизни

целую жизнь и при этом проникнуться твердым убеждением, что не стоит оглядываться назад. Никогда.

Когда я ходила взад и вперед по их комнатам, в которых отец и мать, как правило, ничего не меняли, в моих жилах от ужаса застывала кровь. В этих комнатах, превратившихся в святилище забытой жизни, я невольно проникала в чужую интимную жизнь. Словно реликвии подростков были последними доказательствами их реального существования.

Существование Лейлы казалось застывшим, пленником давно минувших дней. Повсюду были фотографии ее нормальной жизни. Я видела ее в майке с глубоким вырезом, накрашенную, среди друзей, в кафе. Лубочные картинки, далекие от новой Лейлы в бурке⁵ с «калашниковым» в руках. После долгих разговоров с Самирой я продолжила собственное расследование, подтвердившее многие слова матери Лейлы, и написала статью. Еще одну статью на тему, которая за последние месяцы, к великому сожалению, стала довольно банальной. Однако статья так и не была напечатана. Лейла пришла в бешеную ярость, когда мать сообщила ей о нашей беседе. Она пригрозила сжечь все мосты: «Если ты будешь говорить обо мне с прессой, я не только не вернусь, но ты больше никогда обо мне не услышишь. Ты не знаешь, жива я или умерла». Об этом рассказала мне Самира, вся в слезах, охваченная животной паникой.

⁵ Бурка – традиционная одежда мусульманок. Представляет собой плащ с ложными рукавами. – *Примеч. пер.*

До сих пор я не рассматривала проблему под данным углом. В принципе я могла бы опубликовать свою статью: дело носило публичный характер и широко освещалось в Бельгии. Но зачем? Как это ни печально, такие истории случаются чуть ли не каждую неделю. Я хорошо знаю решимость этих молодых людей, которые считают себя преисполненными веры. Все дни напролет им вдалбливают в голову, что они должны забыть свою семью «нечестивцев» и распахнуть объятия для новых братьев. На пути подобных поисков «неверные», которые называют себя папой и мамой, представляют собой лишь преграды.

Это не вина Лейлы. Она искренне думает, что защищает свою мать, указывая ей, как следует себя вести. Лишь дома, оставшись одна, я даю волю ярости. Методы прозелитизма, которые используют исламистские бригады, меня бесят. Я ищу видео с живым Тариком, жадно просматривая бесчисленное множество пропагандистских фильмов на YouTube. Если фильмы идут не на французском или английском языках, я выключаю звук. Я не могу слушать эти заунывные песни, которые – и это правда – проникают вам прямо в душу и оболванивают вас. Но порой они более приемлемые, чем кадры пыток и трупов, иссушенных под жаркими лучами солнца. Я брожу по лабиринту франкоязычных сетей моджахедов, поражаясь контрасту между звуком и образами. Задорный смех, комментирующий ужасные зрелища, делает их еще более невыносимыми.

Вот уже почти год, как на моих глазах динамично развивается этот феномен. Многие подростки имеют на фейсбуке второй аккаунт под вымышленным именем. Они живут со своими семьями, ведут себя безупречно, но, оставшись одни в своей комнате, они устремляются в этот другой, виртуальный мир, отныне ставший их миром, который они принимают за реальный. Многие, даже не осознавая значения и серьезности своих посланий, призывают к убийствам. Есть и такие, кто поддерживает джихад. Девушки устанавливают связи, демонстрируя лепечущих детишек и рассказывая о страданиях самых маленьких. Псевдонимы, под которыми скрываются эти девушки, начинаются на «ум», что означает по-арабски «мама».

Социальные сети содержат ценную информацию, если знаешь, где искать. В этих целях, как и многие другие журналисты, несколько лет назад я создала поддельный аккаунт. Он помогает мне следить за многими актуальными явлениями. Как правило, я общаюсь очень мало или, по крайней мере, коротко с сотней «сетевых» друзей по всему миру, входящих в мой список. На втором аккаунте меня зовут Мелани Нин. Мелани, поскольку это весьма распространенное имя, а Нин – потому что в момент, когда я создавала этот аккаунт, я читала «Тропик Козерога»⁶. Подписчики моей страницы

⁶ «Тропик Козерога» – полуавтобиографический роман американского писателя и художника Генри Миллера (1891–1980). Впервые был опубликован в Париже в 1938 году. До 1961 года был запрещен в США. Нин – фамилия третьей жены Миллера Анаис (1903–1977).

тоже предстают под вымышленными именами. Однако хотя они полагают, что соблюдают анонимность, подобные аватары очень многое могут поведать исламистской пропаганде о нравах и растущих увлечениях этих молодых людей. Час за часом я наблюдаю за тем, с какой легкостью они публично и свободно делятся своими зловещими или просто бредовыми планами. Разумеется, это способствует обогащению прозелитизма. К счастью, не все подростки, призывающие к совершению преступлений, становятся в будущем убийцами. Для некоторых джихад 2.0 является всего лишь модным поветрием. Но для других он представляет собой первый этап их радикализации.

По-прежнему переживая и испытывая чувство неудовлетворенности, что не могу опубликовать статью об истории Лейлы и Самире, я провела весь вечер той апрельской пятницы, лежа на диване и посещая аккаунт за аккаунтом.

Неожиданно я обомлела, увидев видео французского джихадиста, которому, вероятно, было лет 35. Можно было подумать, что это плохая пародия на сатирическую телепередачу «Петрушки СМИ». Я улыбнулась, хотя уместнее было бы заплакать. Я вовсе не гордилась собой, но надо было видеть эту сцену: настолько она была абсурдной. Мужчина в военной форме, называвший себя Абу Билелем, показывал своим фанатам «содержимое» своего джипа 4 × 4. Он утверждал, что находится в Сирии. Окружавший его пейзаж, настоящая пустыня, похоже, подтверждал его слова. Он гор-

до потрясал своей портативной радиостанцией «Си-Би», явно сделанной в 1970-е годы. Она позволяла ему общаться с другими боевиками, когда не работали телефонные сети. Хотя в действительности эта радиостанция больше трещит, чем предупреждает о тревоге. За машиной рядом с пистолетом-пулеметом «узи», легендарным оружием израильской армии, лежал пуленепробиваемый жилет. Он поочередно демонстрировал оружие, в том числе винтовку М-16, украденную у одного из морских пехотинцев в Ираке...

Я умирала со смеху. Позднее я узнала, что все это походило на правду. Точно так же я поняла, что Абу Билель не был таким глупцом, каким казался на первый взгляд. И главное, что последние 15 лет он вел джихад во многих странах мира. Однако это озарение снизошло на меня гораздо позже. А на тот момент боевик продолжал демонстрировать свои вещи. Теперь он с гордостью открыл отделение для перчаток своего автомобиля. Толстая связка сирийских книг, конфеты, нож. Наконец он снял солнцезащитные очки «Рэй-Бэн», позволив увидеть свои черные глаза, подведенные темным карандашом. Я знала, что этим военным приемом пользуются афганцы, чтобы глаза не слезились от дыма. Тем не менее террорист с макияжем, который я могла бы сделать себе, вызывал удивление, если не сказать большего. Абу Билель прекрасно говорил по-французски, с чуть заметным акцентом, который я идентифицировала как алжирский. Он широко улыбался и явно был доволен собой. Его просто распи-

рало от гордости, когда он призывал присоединиться к нему, чтобы совершить свою хиджру⁷.

Я поделилась его видео. На этом профиле я предпочитаю держаться в сторонке, но порой мне приходится подражать себе подобным, чтобы занять определенное место в их мире. Я ничего не восхваляю. Я ни на чем не настаиваю. Я довольствуюсь тем, что время от времени читаю статьи, освещающие действия армии Башара Асада, или смотрю вот такие видео. На своем профиле я поместила изображение Ясмин из мультфильма Уолта Диснея. На заставку я загрузила пропагандистский лозунг, который можно встретить практически повсюду: «С тобой поступят так же, как поступаешь ты». Город, в котором я живу, меняется в зависимости от моих репортажей. Если, конечно, в этом возникает необходимость. В данный момент я живу в Тулузе. Надо сказать, что за последние пять лет я провела там несколько расследований. Начать хотя бы с дела Мохаммеда Мера⁸ в 2012 году. Квартал Изар, расположенный на северо-восточной периферии Розового города⁹, служит неисчерпаемым источником информа-

⁷ Здесь: переселение из земель неверных (кяфры по-арабски) в исламистскую страну.

⁸ Мохаммед Мера (1988–2012) – французский террорист алжирского происхождения. В период с 11 по 19 марта совершил в Тулузе и Монтобана два нападения на военных и одно нападение на еврейскую школу. Убит в перестрелке с полицией. – *Примеч. пер.*

⁹ Так называют Тулузу, старинные кварталы которой возведены из кирпича красноватого оттенка. – *Примеч. пер.*

ции. Это один из кварталов, где жил Мера, но также и крупное место сбыта гашиша.

Но в действительности я нахожусь в Париже, пребывая в полной растерянности. Я отчаялась найти веские аргументы, чтобы объяснить все эти случаи отъезда в Сирию. Я понимаю, что на читателя обрушилась лавина информации, что все эти случаи кажутся ему похожими друг на друга, как бы прискорбно это ни было. Более того, кошмар, царящий в стране, не позволяет трезво анализировать факты. Каждую неделю мы с главными редакторами газет, с которыми я сотрудничаю, обсуждаем различные аспекты проблемы. Но в итоге всегда вынуждены констатировать одно и то же: неважно, откуда прибывает кандидат в джихадисты, также никакого значения не имеют его социальная среда, религия, окружение. Он обращается к религии после ряда личных неудач или из-за жизненных трудностей, его взгляды становятся более радикальными, а затем он уезжает в Сирию, чтобы присоединиться к одной из многочисленных бригад, орудующих там.

Все это так. Но работая над этими сюжетами, я привязалась к семьям и историям их детей, которых я не знаю и, несомненно, никогда не узнаю. Не говоря уже о подростках, с которыми я встречалась раньше, когда делала свои репортажи. Сегодня, когда я вновь с ними вижу, они доверительно сообщают мне о своем желании поехать туда. «Туда»? Но что там ждет вас? – спрашиваю я их на все лады. Там

вы будете только сеять смерть и сами станете пушечным мясом. И каждый раз я слышу примерно один и тот же ответ: «Ты не в состоянии понять, Анна. Ты думаешь головой, а мы – сердцем. . .» Я стараюсь изо всех сил. Я пытаюсь проводить сомнительные сравнения с историей, которая всегда повторяется. С Германией, страной богатой культуры, попавшей в прошлом столетии в лапы Гитлера. Потом прибегаю к упрощенному манихейскому объяснению мира через призму коммунизма. Наконец, напоминаю о 1970-х годах, о поколении интеллектуалов, яростно пропагандировавших учение китайского лидера Мао, заявлявших, что вся правда содержится в его «Красной книге». Но подростков не трогают события, на которые я ссылаюсь. Они беззлобно посмеиваются надо мной по ту сторону компьютера, объясняя, что красный и зеленый – это разные цвета. А ведь я никогда не упоминала Коран, который не имеет никакого отношения к фанатичной идеологии.

В глазах общественного мнения быть журналистом в 2014 году вовсе не престижно. Эту профессию действительно любят только в том случае, когда отдают предпочтение «социетальному». Вот если бы мне удалось найти способ подать этот сюжет иначе, а не в форме очередного случая из череды ему подобных. . . Мне хотелось бы понять все скрытые пружины этого «сетевого джихада», проведя тщательное расследование, докопаться до корней зла, которое разъедает все больше и больше семей, какими бы ни были их религиозные

устой. Разобрать по косточкам способ, при помощи которого подростки позволяют завлечь себя в пропагандистскую ловушку и, как следствие, понять раздвоение личности у этих солдат, готовых пытаться, грабить, насиловать, убивать и умирать днем, а по вечерам бросаться к компьютеру, чтобы похвалиться своими «подвигами» со зрелостью препубертатных мальчишек, опьяненных видеоиграми.

Я уже пресытилась своими расспросами, разрываясь между отчаянием и отказом все бросить, как вдруг мой компьютер показал, что «Мелани» получила три послания от так называемого... Абу Билеля. Сложилась сюрреалистическая ситуация. Было уже 10 часов весеннего вечера пятницы, я сидела на диване в своей двухкомнатной парижской квартире и спрашивала себя, как лучше продолжить расследование... И тут мне из Сирии написал французский террорист. У меня пропал дар речи. В то мгновение я была уверена только в одном: я даже не могла себе представить, что выходные начнутся подобным образом.

В тот же вечер

– Салам алейкум, сестра. Вижу, что ты посмотрела мое видео. Оно обошло весь мир. Вот это да! Ты мусульманка? Какого мнения ты о моджахедах? И последний вопрос: ты намерена приехать в Сирию?

Билель оказался одним из тех, кто прямо идет к своей цели! Я не знала, как поступить. Я умирала от желания ответить этому джихадисту, мгновенно осознав, что это, возможно, единственный шанс выйти на кладезь информации. Представившись журналистом, очень трудно добиться искренних, спонтанных ответов. Как бы там ни было, мой собеседник не знал, кто я есть на самом деле. Меня нисколько не смущала возможность получить информацию посредством этого аккаунта. Но вот потенциальная возможность завязать диалог с человеком, который не знал, кто я такая, ставила передо мной этическую проблему. Я дала себе пять минут на размышление. Время, чтобы понять, каких этических норм придерживается он... И я ответила.

– Малейкум масалам. Я не думала, что джихадист станет разговаривать со мной. Вот умора! Тебе что, делать больше нечего? У меня пока не сложилось определенного представления о боевиках. К тому же все зависит от обстоятельств.

Я также написала, не вдаваясь в подробности, что приняла ислам. Я нарочно делала орфографические ошибки и употребляла молодежный сленг, которым буквально кишит переписка подростков. С замиранием сердца я ждала ответа. Не из-за страха, а потому что я в это не верила. Это казалось мне слишком простым, чтобы быть правдой. Мне уже доводилось брать интервью у моджахедов, но им никогда не было больше 20 лет, и все их слова напоминали заезженный диск официальной пропаганды. В ожидании я просматрива-

ла другие страницы. Не прошло и трех минут, как мой компьютер сообщил о поступлении нового послания.

– Напротив, у меня много дел! Только у нас уже 23 часа, и все сражения закончились. Ты посмотрела мое видео. Возможно, у тебя появились вопросы ко мне... Я могу рассказать тебе обо всем, что происходит в Сирии, сообщить самую что ни на есть голую правду: правду Аллаха. Но для разговора лучше использовать скайп. Я дам тебе мой.

Билель был прямым... и авторитарным. Не могло быть и речи, чтобы я пользовалась скайпом! Я отклонила его предложение. Мы поговорим в другой раз. Мелани была не в состоянии. Абу Билель понял, он совсем не хотел ее беспокоить. Завтра, когда она захочет, он будет в ее распоряжении.

– Завтра? – ошеломленно спросила я. – Тебе так легко получить доступ к Интернету?

– Конечно, я буду тут. Говорю же тебе.

Потом, минутой позже:

– Значит, ты приняла ислам... Готовься к хиджре... Я займусь тобой, Мелани.

После скайпа хиджра! Мужчина явно не терялся и не терял время! Едва установив первый контакт, едва обменявшись несколькими строками, он уже спрашивал у девушки, о которой ничего не знал, кроме того, что она приняла ислам, готова ли она приехать к нему в страну, где шли самые кровопролитные бои на планете. Он самым бессовестным образом предлагал ей перечеркнуть свое прошлое, бро-

сильных родных, если, конечно, они не захотят присоединиться к ее святым поискам. Кто знает? Возродиться в другом месте и ждать, когда Бог откроет свои врата... Когда прошло первое изумление, меня охватили разнообразные эмоции. Я не могла их четко классифицировать, но была твердо уверена, что отвращение господствовало над всеми иными чувствами. Билель охотился за легкой добычей. А когда эта добыча начинала кусаться, он, равно как ему подобные из «Исламского государства», изо всех сил старался ее переделать, точно так же, как они стирали с диска записи, прежде чем записать на него новые данные. Сами способы, тип жертвы, на которую он нападал, все это выводило меня из себя. Как это просто, как несправедливо нападать на такую девушку, как Мелани. Я знала множество таких девушек. У них не было доступа ни к системному образованию, ни к какой-либо форме культуры. Они принимали досужие слухи за чистую монету, поскольку девушек некому было направлять. То же самое относится и к юношам. В тот момент меня обуревало сильное желание наброситься на него.

Во что я ввязываюсь? Я предчувствовала, что все это может пойти очень далеко. Но я ни на секунду не допускала мысли, что через полгода, в момент написания этой книги, Абу Билель будет по-прежнему властно влиять на мою жизнь. А тогда я только начинала осознавать, что должна вдохнуть жизнь в Мелани, если хочу использовать этого террориста для сбора информации. Придумать для нее, как в

историях про шпионов, «легенду», возможно, отвести ей роль жертвы. Придать ей зеркальное отражение. Наделить ее чертами каждого из всех знакомых мне молодых людей, которые увлеклись джихадом: словом, переплавить в котле братьев Бон, Нору, Клару, Лейлу, Элоди, Карима и его лучшего друга. Родители вынуждены ездить на турецко-сирийскую границу, чтобы получить доказательства того, что их дети живы. В большинстве случаев они возвращаются оттуда несолоно хлебавши. Если Мелани вступит в переписку с этим мужчиной, который, принимая в расчет его возраст, явно не новичок, то он, возможно, выдаст мне полезную информацию. Кто ищет, тот добьется. К тому же у меня накопилось много невыясненных вопросов. Ответы – если, конечно, я их получу – несказанно обогатят мои будущие сюжеты. Я отважилась на подобный демарш сугубо с антропологической точки зрения. А пока мне больше всего хотелось выбросить из головы все мысли об Абу Билеле.

Ко мне собирался прийти мой близкий друг. Я позвонила ему и сказала, что предпочитаю провести ночь у него. Я не стала рассказывать ему об Абу Билеле. Просто в тот вечер мне захотелось заснуть рядом с ним.

В субботу утром

Милан протянул мне коку-лайт, иллюстрированный журнал *Monde* и свой iPad. Кока – это мой утренний кофе. Я ребенок, который не умеет пить напитки взрослых в установ-

ленные часы. Милан знает о моих привычках, и его планшет постоянно подключен к аккаунту Мелани Нин, чтобы я могла «держатъ руку на пульсе новостей». Пока мы спали, умер Абу Сулейман¹⁰, молодой эльзасец, отправившийся в Сирию. Многочисленные интернет-пользователи скачали его фото с едва заметной улыбкой на губах и оставили под ним свои комментарии. Милан, прижавшись ко мне, пил свой кофе. Он с нежностью смотрел на меня, словно я была безнадежным случаем.

– И это еще долго будет длиться? – спросил он меня, по-прежнему полусонный.

Я улыбнулась и поцеловала его. Он листал иллюстрированный журнал *Le Film Français*, я просматривала комментарии, посвященные «мученику» дня. Ничего оригинального. Похоже, ему лучше там, куда он попал, Бог гордится им, мы все должны им гордиться. Гордиться, что он «умер за правое дело» в 21 год.

Другие комментарии вызвали у меня больший интерес. Будто бы Абу Бакр аль-Багдади угодил в засаду, устроенную «Фронтом (Джабхат) ан-Нусра». «Фронт ан-Нусра» остается главной вооруженной террористической организацией в Сирии, связанной с «Аль-Каидой». Эту бригаду часто ошибочно отождествляют с ИГИЛ, или ДАИШ (это арабский акроним организации «Исламское государство»)¹¹. В опре-

¹⁰ Имя изменено.

¹¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации. – *При-*

деленный период между ними существовали сердечные, даже гармоничные отношения, но с тех пор все изменилось. Теперь они преследуют разные цели и даже разных противников. Историческим врагом «Аль-Каиды» остается Запад – крестоносцы. ИГИЛ же стремится создать исламское государство, суннитский халифат на территории между Ираком и Сирией. Сначала необходимо отстранить от власти тех, кто прямо или косвенно объявляет себя шиитом, начиная с правящего клана, который состоит из этнического меньшинства алавитов¹², а затем свергнуть шиитские власти Ирака. Вернуться к средневековым временам, установить воинствующий ислам, сражаться верхом, силой захватывать территории, – вот методы и амбиции «Исламского государства». «Аль-Каида» разделяет эту идеологию, однако она сначала хочет ослабить западные силы, продемонстрировать свое могущество и ударную силу, как во время террористических актов 11 сентября 2001 года. Грубо говоря, ИГИЛ, по моему мнению, стремится уничтожить всех еретиков в своей географической зоне, в то время как «Аль-Каида» сосредотачивает свое внимание в основном на неверных.

меч. издат.

¹² Алавиты – последователи алавизма, направления, близкого к учению шиитов-исмаилитов и гностическому христианству. С шиитами их объединяет культ зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда Али. В отличие от суннитов, которые признают законными преемниками и наследниками Мухаммеда первых четырех халифов (Абу Бакра, Умара, Усмана и Али), шииты считают таковыми только потомков Али. – *Примеч. пер.*

Когда мне приходится брать интервью у джихадиста, я расспрашиваю о его амбициях, интересуюсь, закончится ли следующий эпизод вожделенным завоеванием Востока. Часто я получаю примерно один и тот же заученный ответ:

– «Исламское государство» доберется до Соединенных Штатов, чтобы объявить им войну и подчинить их воле Божьей. Затем мы уничтожим все границы, и земля превратится в одно огромное государство, обращенное в исламскую веру и живущее по законам шариата.

Создав территориальную основу своей утопии, ИГИЛ преуспел там, где «Аль-Каида» потерпела поражение. Пока «Аль-Каида» скрупулезно создавала повсеместно свои ячейки, ИГИЛ не только вел войну, но проводил настоящую политику и формировал армию из фанатиков, в Сирии официально, в Ираке неофициально. Первоначально эта армия состояла из суннитов, враждебно настроенных к американскому вторжению в Ирак, затем ее ряды пополнили иностранные боевики.

Параллельно террористическая организация широко использовала свое излюбленное боевое оружие: сетевую пропаганду. До сих пор порывы сдерживались из-за неприглядных изображений талибов, уединенно живущих в афганских горах. А вот появление новых солдат джихада 2.0 попало в самую точку. YouTube заполнили сверхжестокое видео. «Исламское государство» поражает умы тысяч западноевропейцев, обескураженных быстротой действий и исполнением

угроз. «Обещания увлекают только тех, кто к ним прислушивается»... К сожалению, это горькая правда в отношении молодых джихадистов. Будучи плохо осведомленными, большинство уезжает в район боевых действий с намерением выложить в Интернет свое фото, где они запечатлены в солдатской форме. Там они проникаются определенной уверенностью, что получают право покрасоваться в твиттере или фейсбуке, делая столь справедливыми и предостерегающими знаменитые слова Энди Уорхола¹³, сказанные им в 1968 году: «В будущем каждый человек получит право на 15 минут славы». Я родилась в начале 1980-х годов. Это было не самое плодотворное десятилетие в музыкальном плане. В 1997 году я усовершенствовала свои музыкальные вкусы благодаря легендарному альбому хип-хоп-группы IAM «Школа корыстолюбивого микрофона» (*L'école du micro d'argent.*). Я до сих пор помню наизусть каждое слово из этого музыкального НЛО, состоящего из 16 названий. Песня «Братишка», в которой говорится о нравах самых юных, неподвластна времени:

Братишка мечтает о тачке, шмотках, бабле,
О репутации крутого. Ради этого он украл бы луну.
Он коллекционирует преступления, не заботясь
О зле, которое причиняет, но при этом требует к себе уважения.

¹³ Энди Уорхол (6 августа 1928 – 22 февраля 1987) – американский художник и писатель. Заметная фигура в движении поп-арт. – *Примеч. пер.*

В то время уже стоял религиозный вопрос. Однако он не влек за собой каких-либо внешних репрезентационных или поведенческих знаков. Некоторые вчерашние «братишки» стали джихадистами. Легкие деньги, оружие, наркотики – все это больше не поражает их воображение. У них другая мечта: завоевать уважение и признание. Стать «героями». Играть в войну и воевать – это совсем другое, чем стать кайдом квартала и давать выход своей энергии на игровой приставке PlayStation. Но внимание! Существует несколько категорий джихадистов. В последнее время отъезды в страны Леванта совпали со случаями одиночной радикализации. В частности, я имею в виду молодую девушку из Нормандии, которая полагала, что в одиночку нашла все ответы на свои жизненные вопросы в Интернете. Через несколько недель христианка, принявшая ислам, уехала, чтобы пополнить ряды исламистских бригад. Я рассматриваю свой тулузский аватар Мелани Нин как сверхчувствительную особу, которая стремится не господствовать, а подчиняться, чтобы найти смысл своего существования. Как и многие другие молодые люди, вне зависимости от эпохи и социальной среды, она страдает от боли, которую ей причиняет жизнь.

Позднее, ночью

Милан заснул. В его комнате, где царит приглушенная, нежная, как и он сам, атмосфера, я ворочаюсь в кровати. Мы

не стали закрывать ставни, и свет уличных фонарей заливает комнату поэтическим светом. Этот привычный ночной пейзаж сопровождает мою бессонницу, не прогоняя вопросы, преследующие меня.

Я осторожно встаю. Милан спит как ангелочек. Мое подсознание влечет меня в гостиную, к демону, скрывающемуся за экраном *Retina*. Мой страждущий корреспондент прислал три новых послания. Столько я явно не ожидала. Я закуриваю сигарету. Первое послание он отправил в половине третьего дня по местному времени. Станный выбор для отчаянного боевика. В это время он должен находиться в районе боевых действий. Или где-нибудь еще. Мне очень трудно представить его сидящим в интернет-кафе в разгар дня и отправляющим послание незнакомой девчонке.

– Салам алейкум, сестра. Как поживаешь? Хочу тебе сказать, что я в твоём распоряжении, если ты хочешь поговорить. Я в уголке.

В уголке? В каком еще уголке? Но у меня нет времени на раздумье, поскольку следующее послание вызывает у меня не меньший интерес:

– В котором часу ты будешь на связи, чтобы мы смогли поговорить? В самом деле, у меня есть для тебя автограф... Машалла.

Так называемый «автограф» – это фотография, на которой он запечатлен вооруженным до зубов. Такой гламурный... Через плечо у него перекинута огромная штурмовая

винтовка М-4. Голова повязана черным платком с белыми надписями «Исламского государства». Он держится прямо, выпятив грудь. Он улыбается. Наивная, я думала, что все это нереально. Он не знает меня. А если я шифруюсь под личностью Мелани? А если я шпик, следящий за ним? Или журналист, ищущий надежную информацию из солидных источников? Нет, Абу Билель несколько не волнуется. Он думает, что рыбка попалась на крючок. Судя по уверенному тону его посланий, он несколько не сомневается, что ей не удастся вырваться. Часто ли он так действует? Сейчас, вероятно, 4 часа утра. Я надеялась получить ответы. Но вопросов стало больше.

Часто говорят, что журналисты – это собаки, постоянно ищущие вкусную косточку. Безусловно, в тот момент я испытывала определенное возбуждение от возможности понять психологию убийцы. Этого убийцы. Я восхищаюсь теми, кем движет вера. Я завидую силе, которую она им придает. Вероятно, она образует бесценную опору, позволяющую идти вперед, невзирая на драмы, которые неизбежно сопровождают нашу жизнь. Но когда духовность служит алиби убийцам, извращающим ее, то я, Анна, позволяю себе стать другой. По крайней мере, в сетевом плане. Решено. Для Билеля я буду Мелани, потерянной, безропотной и наивной девушкой. С сугубо деонтологической точки зрения мой метод может показаться спорным. Но в эпоху обрядовых средств оповещения для этой террористической организации все средства

хороши, чтобы заявить о себе и завербовать как можно больше сторонников.

Моя совесть определилась. Абу Билель не станет героем репортажа. Но я хочу подвергнуть его слова строгому анализу и отделить правду ото лжи. Начиная с количества людей, которые служат «Исламскому государству». Сколько французов? Сколько европейцев? Действительно ли среди них есть женщины, которые удовлетворяют похоти джихадистов, чтобы послужить делу Бога? Берут ли они в руки оружие? Абу Билель намерен убедить меня в своем стремлении к религиозному господству. А тем временем он убивает вдов и сирот в стране, раздираемой межконфессиональными конфликтами. Расскажет ли он мне о кровопролитных боях, в которых принимает участие?

На рассвете я зашла на *DarkNet*¹⁴ и принялась бродить по лабиринтам сети, чтобы найти любую информацию, которая могла бы что-нибудь, неважно что, рассказать мне о нем. Я отыскала десятки разговоров между моджахедами и учениками. Но ничего существенного. Впрочем, я узнала, что в Сирии, в районе Дайр-эз-Заура, в менее чем 500 километрах от границы с Ираком, страной, до сих пор живущей под страхом призрака Саддама Хусейна и американского втор-

¹⁴ *DarkNet* – частная сеть, соединения которой устанавливаются только между доверенными парами, с использованием нестандартных протоколов и портов. – *Примеч. пер.*

жения, произошло очень важное сражение. Я перехватила разговор, который привлек мое внимание: «Я все снял, их уничтожили! Но аль-Багдади и его эмиры остались в доме на тот случай, если эти собаки из «Ан-Нусры» попытались бы расставить нам ловушку. Ты можешь разыскать Гитона, он с ними». Я уже давно знала, кто такой аль-Багдади, опасный лидер ИГИЛ. Но той ночью, поскольку я не нашла ничего особенного о Билеле, меня заинтересовал Гитон. Я прекрасно знала этого марсельца, которому было 22 или 23 года. После продолжительного пребывания в Великобритании он примкнул к ИГИЛ и быстро сделал карьеру. В самом деле, у него было три главных козыря, которые делали его незаменимым в агрессивной сетевой пропаганде, которую ведет «Исламское государство»: он очень красивый, он наизусть знает все религиозные постулаты, и он способен проповедовать их на четырех языках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.